

Культура и время

2~2014

Год Культуры в России

Наши интервью

Космонавт Георгий
Гречко: «Бога надо искать
не в космосе, а в душе»

Георгий Михайлович Гречко – знаковая фигура в отечественной космонавтике. Он трижды летал в космос и каждый раз добивался уникальных научных результатов. Дважды Герой Советского Союза, летчик-космонавт СССР, доктор физико-математических наук, он работал с Королевым, тренировался с Гагариным, в свое время побил рекорды длительности полета. Свой третий, последний орбитальный полет он совершил в 1985-м. Тогда ему было 54 года, и потом в течение тринадцати лет Георгий Гречко оставался самым старшим побывавшим на орбите космонавтом. Одним из первых среди космонавтов он поставил свою подпись на знаменитом рериховском Знамени Мира, а под петицией в защиту МЦР расписался, не задавая никаких вопросов. Немногие знают, что этот веселый, неунывающий человек, известный друзьям и коллегам как шутник и балагур, один из самых романтичных космонавтов: в звездных дальях он ищет возможность не только осуществить очередной научный эксперимент, но и узнать что-то новое, необычное, а возможно, даже встретиться с братьями по разуму. Это его главная сегодняшняя мечта.

— **Г**еоргий Михайлович, вы упорно называете себя ленинградцем, хотя города такого уже давно нет. Почему?

— Да, я из Ленинграда. Просто была такая интеллектуальная столица, и называлась она Ленинград. Потом уже появился «бандитский Петербург». Поэтому уж лучше я останусь ленинградцем, каким и родился. В 1978 году мне понадобилась выписка из ЗАГСа о моем рождении, и мне довольно быстро нашли запись, согласно которой я появился на свет 25 мая 1931 года. Родители – студенты, а поэтому за регистрацию младенца с них денег не взяли. В Ленинграде мы жили в огромной коммунальной квартире. Родителям дали очень просторную комнату – аж пятьдесят метров! И высоченные потолки – метра три с половиной, лепнина. Они пришли со мной на руках, увидели эту роскошь и сказали: «Дайте нам меньше!» Им искренне казалось, что нельзя жить в такой большой комнате. Им ответили, что меньше нет. Тогда они потребовали разгородить комнату. Им отказали. Пришлось разгораживать за свой счет. Для современного человека это кажется безумием. Кто сейчас будет просить, чтобы ему дали жилье поменьше? Дерутся за каждый метр. А тогда квартирный вопрос, видимо, не испортил еще ленинградцев.

Николай Алексеевич Рынин

Станислав Лем

Получилось две комнаты – одна 28, другая 22 метра. В первой поселились мы, а во вторую вселили другую семью. Прошло семь лет, и я заболел малярией. Лечили меня лекарством, которое называлось акрихин. Завод, который его выпускал, до сих пор существует под Москвой, он так и называется – «Акрихин». Это были мерзкие, безумно горькие таблетки. Достаточно лизнуть – и тебя уже рвало. Родители заворачивали таблетку в размоченный хлеб, сверху мазали маслом, чтобы эта конструкция скорее проскочила. Лучшего средства от малярии в нашей стране не было, однако оно мне не помогало. В некоторые дни я чувствовал себя практически здоровым, а потом вдруг – бац! – температура сорок, тяжелейшее, опасное для жизни состояние. И так месяцами. И вдруг выясняется, что наш сосед, который получил выгороженную нами вторую комнату, – моряк дальнего плавания. Из плавания он привез нам самое лучшее в мире средство от малярии, которого у нас в стране тогда не было, – хинин. Это капсула, которая растворялась в желудке. Всего два-три раза я принял хинин, и страшной болезни как не бывало. А что, если бы мы тогда не разгородили комнату и в ней не поселился бы моряк? Иногда твоя жизнь зависит от того, кто твой сосед. Но почему именно он оказался нашим соседом?

— Вы ведь не из семьи ученых или ракетчиков. Как вышло, что попали в ракетно-космическую отрасль?

– Я обожал книги. Собирал сначала фантастику и приключения, потом научно-популярные книги – Циолковского, Перельмана, академика Крылова... Однажды отец нашел у меня на столе книгу «Луна», и на первой странице там стояла надпись: «НИИМС». Он удивился: «Как тебе удалось взять книгу в нашей библиотеке?» Он работал в НИИ метрологии и стандартизации. «Папа, – воскликнул я, – да это же НИИ межпланетных сообщений!» Эту аббревиатуру я придумал сам. Особенно меня интересовали книги по астрофизике, про планеты и полеты. Мне даже удалось раздобыть два тома из знаменитой энциклопедии «Межпланетные сообщения» под редакцией профессора Николая Рынина. Эти тома выходили мизерным тиражом и были библиографической редкостью. Я знал, что Рынин жил в Ленинграде. На последней странице книги было написано: «Отзывы направлять по адресу: Ленинград, улица Жуковского, дом... квартира...» Я пошел. Мне очень нужно было спросить его, в какой институт надо поступать, чтобы выучиться на ракетостроителя. Это было в 1947 году. Дошел до дома, поднялся, у двери стучевался, спустился вниз, снова поднялся. Наконец позвонил в дверь. Тихий женский голос ответил, что Николай Алексеевич умер в блокаду. Я ушел растерянным и потрясенным. Сам я выжил благодаря эвакуации в Чернигов, хотя и попал там в оккупацию. Очень увлекался фантастикой, она и позвала меня в космос.

– Довелось ли вам общаться с «живыми» фантастами?

– Да, мне посчастливилось общаться с братьями Стругацкими и Станиславом Лемом. С ним мы встретились на конференции в Варшаве. Я считаю его одним из лучших фантастов мира. Мы говорили о «Солярисе» – фильме, который снял Тарковский. Лему фильм категорически не нравился. Я возразил: «Если снять роман с буквальной точностью, получится подстрочник. А зачем он нужен, если можно прочесть вашу замечательную книжку?» Я признался Лему, что очень люблю его рассказ «Нашествие с Альдебарана» – о том, как польские крестьяне победили представителей высшей агрессивной цивилизации. А пилот Пиркс вообще мой любимый персонаж... Вопросы, кто мы и откуда, меня волнуют не меньше, чем полеты в космос. Хочется понять логику нашего существования. Действительно ли мы произошли от обезьян, эволюция которых заняла миллионы лет? Вмешался ли кто-то в этот процесс и его ускорил? Или обезьяны – это предыдущая цивилизация и раньше они тоже были людьми, но деградировали оттого, что стали потребителями?

Георгий Гречко в молодости

– А что обсуждали со Стругацкими?

– Мы много говорили о системе образования. Стругацкие пишут, что в будущем самой престижной будет профессия воспитателя. Вот бы эта мечта осуществилась! Когда мы обогнали в космической гонке американцев, всегда считавших себя лидерами, когда мы запустили первый спутник и первого космонавта, американцы изменили свою систему образования под нашу. Они поняли, что все их богатства не дали им технического превосходства. Наша система образования была очень правильной. Сейчас множество лучших специалистов во всех отраслях за рубежом, особенно в математике, кибернетике, информационных технологиях, – русские. И наши хакеры, что уж скрывать, самые лучшие. Советские мозги, получившие советское образование, всюду ценятся

С. Рерих (слева), В. Казначеев, Г. Гречко, Д. Пюрвеев (справа) после подписания «Благопожелания людям Земли»

не зря. Нынешнее изменение нашей системы под американскую – это не шаг в российское будущее, а возврат в американское прошлое. Получается, мы выполняем задачу, поставленную бывшим премьер-министром Великобритании Маргарет Тэтчер, видевшей Россию поставщиком нефти и газа. Ныне внедряемая система образования хороша лишь для того, чтобы обслуживать трубы. Я считаю, что образование и наука не должны зависеть от коммерции. В конечном счете это коммерчески невыгодно.

Стругацкие, Лем всегда воспитывали своим творчеством. А мой первый воспитатель в литературе – блестящий фантаст Казанцев. Мне очень нравится его идея о летающих тарелках и снежном человеке. Он предлагает гипотезу, что есть настоящее, будущее и прошлое и что все это существует параллельно. И тогда случайно на параллельных курсах из будущего вываливаются тарелки, а из прошлого снежный человек, возможно родственник неандертальца. Парадоксальная идея! В ней острота ума, неординарность мышления. Эти качества всегда восхищали меня в людях. Они приуси и Святославу Рериху...

– Как вы с ним познакомились?

– К моменту нашего знакомства я уже неплохо знал его художественное творчество и восхищался им. Мне импонировали многие идеи Рери-

хов, и когда возникла мысль отправить на орбиту Знамя Мира, я был двумя руками за. На Знамени Мира среди подписей шестнадцати космонавтов стоит и моя. Примерно в это же время, в конце восьмидесятых, я познакомился с Джангаром Пюрвеевым, человеком необыкновенно разносторонним – специалистом по проектированию и строительству в экстремальных природно-климатических условиях, художником, поэтом, философом... Он задумал по примеру Рериха собрать подписи известных людей на символическом знамени и с ним объехать всю планету. Замысел состоял в том, чтобы, проходя по различным странам Евразийского и Американского континентов, знамя оказывалось у руководителей государств, глав конфессий, выдающихся деятелей планеты и каждый из них ставил бы свою подпись. Тем самым они соглашались с этой акцией, несущей в том числе и космические идеи. Побывали мы, конечно, и в Индии, где на знамени расписался индийский космонавт, а потом направились в имение Святослава Рериха. Было это незадолго до его смерти. Святослав Николаевич уже неважно себя чувствовал, говорил очень тихо. При нем все время находилась девушка, которая держалась весьма уверенно, раскованно, – это была секретарь Мэри Пунача, которая, как сама утверждала, хорошо его слышала, понимала и транслировала все, что он

говорит, окружающим. У меня осталось тягостное впечатление, что многое из того, что она выдавала за слова мыслителя, было просто-напросто ее выдумкой. Я знаю, она сыграла в судьбе Святослава Николаевича нехорошую роль. Как он, насквозь видевший людей, мог так ошибиться? Вероятно, сказались возраст и плохое самочувствие...

Святослав Николаевич расписался на нашем знамени, сказал добрые слова, и мы распрощались. Уезжали из Бангалора с грустью. Для меня его образ остался живым и светлым. Многие космонавты, знакомые с творчеством Николая Рериха, не раз отмечали, что его картины напоминают вид Земли из космоса. Это чистая правда. Как это объяснить, я не знаю. То ли он был, как говорят, *видящий*, то ли, находясь высоко в горах, поневоле оказываешься ближе к космосу и получаешь иное зрение... Так или иначе, его художественное творчество для меня не просто полно своеобразия – оно удивительно, загадочно, необъяснимо. Кроме того, Рерих был великим путешественником, он побывал во многих малодоступных районах Земли и, как мне кажется, познал тайны бытия, неведомые простым смертным. Он невероятно интересен для меня и как художник, и как мыслитель, и вообще как личность совершенно уникальная. Мы его любим именно за его творчество и, конечно, за идеи мира, которые сейчас необычайно актуальны. Всем разумным людям ясно, что война не решает никаких серьезных во-

просов, тем не менее войны продолжают. Рерих учил, что все проблемы надо решать лишь путем мирных переговоров. Так, может быть, надо, наконец, послушать Рериха и начинать мирные переговоры, минуя этап войны?

– Правда ли, что Сергей Павлович Королев направлял вас на Подкаменную Тунгуску искать обломки инопланетного корабля?

– Тунгусская тайна манит меня много лет. Еще в юности, в 1946 году, я прочитал рассказ Александра Казанцева «Взрыв» – о том, что Тунгусским телом на самом деле был межпланетный марсианский космолет, потерпевший катастрофу. Эта увлекательная историческая загадка засела во мне на долгие годы. Ария Штернфельд, известный исследователь межпланетных полетов, рассчитал, что на Землю космолет летел не прямо с Марса, а сначала посетил Венеру. Оптимальная дата такого прилета совпадает с падением так называемого Тунгусского метеорита. Интересно, что мы тоже так летели к комете Галлея: сначала к Венере, воспользовались ее гравитационным полем, а потом с его помощью добрались до кометы. Это называется пертурбационный маневр. Сейчас гипотез, пытающихся пролить свет на Тунгусскую тайну, существует множество. А тогда, прочитав Казанцева, я решил во что бы то ни стало побывать на месте аварии инопланетного корабля, найти его обломки, а возможно, и другие вещественные доказательства существования братьев по разуму.

Тогда у меня не было денег, но я твердо решил, что буду там обязательно. Дал себе слово.

И его сдержал. Уже работая у Королева, я заразил товарищей своим интересом к Тунгусской тайне. Оставалось заинтересовать Королева. Для этого мы использовали военную хитрость: привлекли отчет Золотова, из которого следовало, что это был мощный, порядка пяти мегатонн, взрыв марсианского космического корабля, который произошел на высоте пять километров. Хитрость состояла в том, что мы понимали несостоятельность этого отчета. Золотов прибыл туда на пару дней – и накатал отчет на пятьсот страниц. Однако в главном мы были честны: загадка существует и это загадка мирового значения. В этом я и сегодня не сомневаюсь.

Конечно, весь отчет Королев читать не стал. Но в предисловии и заключении говорилось о том, что это космический корабль, и он проявил интерес к остаткам, которые можно найти. Дал нам денег из своего фонда материальной помощи – пятьсот рублей на авиабилеты, вертолет, двух солдат с рацией и сухой паек. Сказал: «Поезжайте и разберитесь на месте!» Мы вложили в экспедицию свои деньги и за несколько месяцев провели очень серьезную работу. Например, определили точку, над которой произошел взрыв. Мы присоединились к научной экспедиции Г.Ф. Плеханова, состоявшей из сибирских ученых и студентов. Нашу «королёвскую» группу возглавил В.А. Кошелев. Нас встретили с восторгом. Особенно всех впечатлил вертолет, который кружил над сопками в поисках источников радиации. В бассейне Подкаменной Тунгуски мы искали все, что напоминало части звездолета. Ничего не нашли.

Отдельная история – мой звонок Королеву из Красноярска. Звонить решил из местного КГБ. Толстенные двери, за которыми находится пункт правительственной связи. Начальник спросил, кому я собираюсь звонить. Я назвал фамилию. Он сверился с какой-то книжечкой, посмотрел на меня, набрал номер и молча вышел. Я стал рассказывать СП, что мы взяли несколько тысяч проб, нашли радиоактивную зону, изучили падение деревьев... Он слушал, потом спрашивает: «А обломок корабля нашли?» Говорю, что нет. «Продолжайте искать, я вам продлеваю отпуск». Но я должен был возвращаться в КБ: дал честное слово своему начальнику, что вернусь в срок. А Кошелев остался еще на месяц, погружался на дно озера Чеко, искал останки корабля там.

И хотя мы так ничего и не нашли, я уверен: над Тунгусской взорвалось нечто необычайное. Мне нравится такая версия: братья по разуму, зная, что

Тунгусский метеорит, который предположительно послужил причиной воздушного взрыва, произошедшего в районе реки Подкаменная Тунгуска. Картограмма места события. Из журнала «Вокруг света», 1931

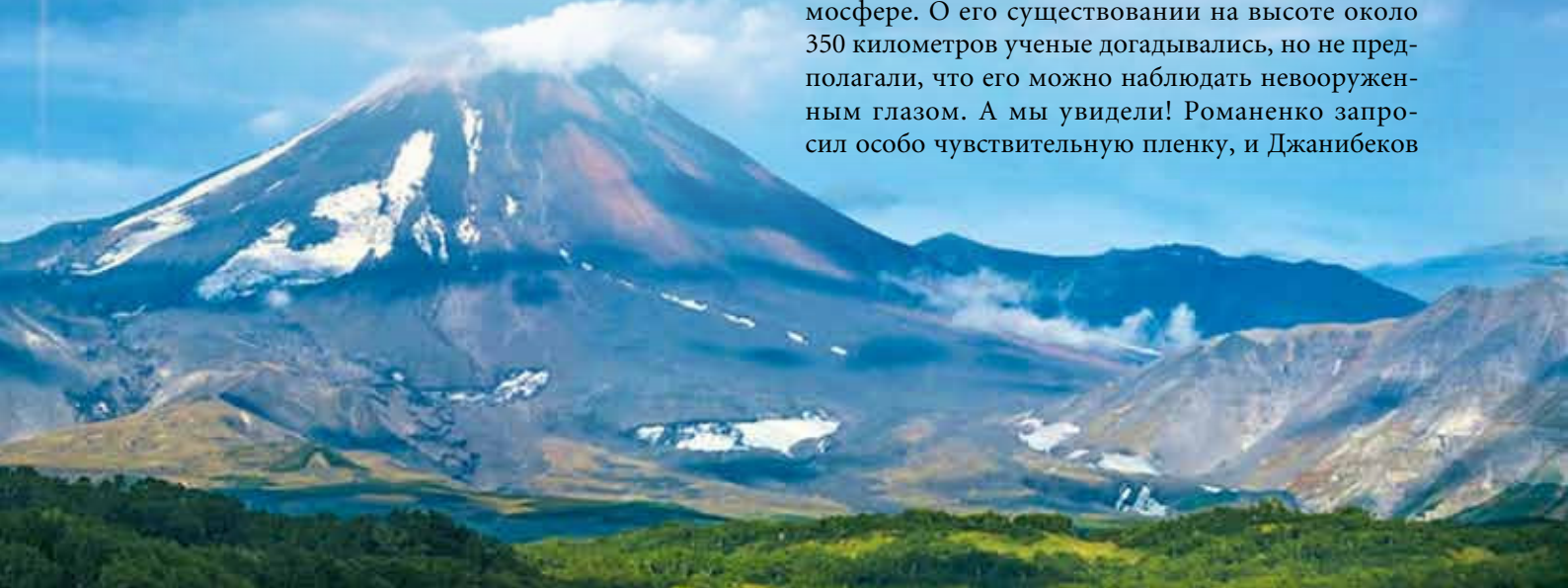

Юрий Романенко и Георгий Гречко

мы не можем защитить себя от крупных метеоритов, установили в окрестностях нашей планеты «антиракеты». Тунгусский метеорит летел прямо на Петербург, но они его сбили и перенаправили в безлюдную тайгу. С тех далеких пор во мне живет мечта вернуться и продолжить поиски. Ведь тайна Тунгусского метеорита не разгадана.

– Вы трижды летали в космос. Удалось ли увидеть что-то необычное?

– Когда отправляешься в космос, всегда надеешься на встречу с неведомым. И это ощущение усиливается, когда с Земли тебе говорят: «Этого не может быть!» Такое у нас было, когда удалось увидеть второй эмиссионный слой в ночной атмосфере. О его существовании на высоте около 350 километров ученые догадывались, но не предполагали, что его можно наблюдать невооруженным глазом. А мы увидели! Романенко запросил особо чувствительную пленку, и Джанибеков

с Макаровым нам ее доставили. Мы сняли этот слой и доставили на Землю с новой окантовкой – Губаревым и Ремekom. Наше открытие помогло разработать другие методы изучения верхнего эмиссионного слоя.

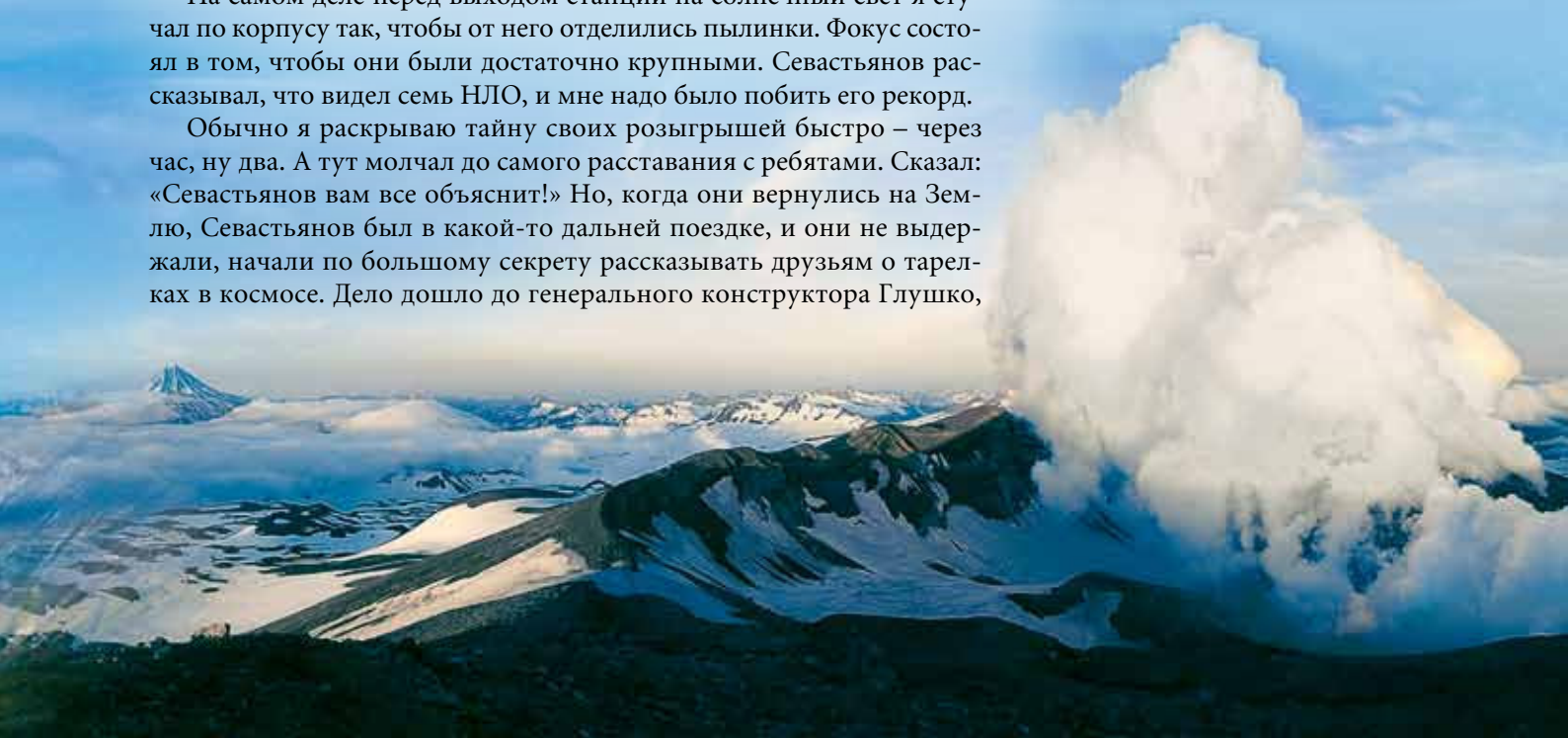
Вообще у нас было много экспериментов, и биологических, и технических, и в открытии космосе довелось поработать. Интересный научный результат мы получили, занимаясь фотографией. Мы разработали систему гравитационной стабилизации станции без расхода топлива – заставили станцию стоять вертикально и не кувыркаться в гравитационном поле Земли. Сначала в КБ нашим экспериментом не заинтересовались, а потом он нашел свое теоретическое обоснование, мы подготовили на эту тему доклад. Правда, на научной конференции в Лондоне его сделал человек, который поначалу идею категорически не принял.

А однажды я взглянул в иллюминатор и обомлел: нас преследовала целая эскадрилья НЛО! Причем идут четким зловещим строем, как будто собираются атаковать! Я испугался не на шутку, позвал Романенко, но он меня успокоил: это просто пылинки, которые отделились от обшивки станции во время коррекции орбиты. В космосе невозможно определить расстояние, и нам кажется, что объекты находятся далеко, хотя на самом деле они у самого иллюминатора.

Когда к нам прилетели Макаров и Джанибеков, я сразу начал их готовить: «Ребята, если увидите, что за нами летят НЛО, не пугайтесь: они просто летят, не атакуют». Конечно, они мне не поверили: мол, знаем, что ты известный любитель розыгрышей! Но я не унимался, каждый день их предупреждал. И однажды зову: «Вот, смотрите!» Они припали к иллюминатору – и сразу смеяться перестали. Восемь тарелок летят, сверкая огнями! Джанибеков говорит: «Пойду возьму бинокль, рассмотрю хотя бы одну из них!» Я отвечаю: «Иди, иди, только они улетают со сверхсветовой скоростью!» И точно: он возвращается, а тарелок уже и след простыл!

На самом деле перед выходом станции на солнечный свет я стучал по корпусу так, чтобы от него отделились пылинки. Фокус состоял в том, чтобы они были достаточно крупными. Севастьянов рассказывал, что видел семь НЛО, и мне надо было побить его рекорд.

Обычно я раскрываю тайну своих розыгрышей быстро – через час, ну два. А тут молчал до самого расставания с ребятами. Сказал: «Севастьянов вам все объяснит!» Но, когда они вернулись на Землю, Севастьянов был в какой-то дальней поездке, и они не выдержали, начали по большому секрету рассказывать друзьям о тарелках в космосе. Дело дошло до генерального конструктора Глушко,

Карло Кривелли. Благовещение со Святым Эмидием. Лондон, Национальная галерея. 1486

потом пошло еще выше – в КГБ и ЦК, следом все газеты начали писать об этой якобы сенсации... Когда я вернулся на Землю и рассказал, как все было на самом деле, никто мне не поверил. Оказывается, летающие тарелки всем интереснее, чем мои пылинки. Тем не менее в существование братьев по разуму я верю и думаю, наступит день, когда мы встретимся!

А что касается необычного в космосе, то его очень много. Например, когда я увидел Камчатку в иллюминатор, мир в моей голове просто перевернулся. Нет ничего более фантастического, чем это зрелище. Оно у меня в глазах до сих пор. Горы, покрытые снегом, море создают ощущение, будто на бескрайнем синем бархате блистают бриллианты.

Вообще в космосе все воспринимаешь по-другому. Скажем, был у нас эксперимент по выращиванию гороха. Никогда на Земле я не чувствовал трепета перед миром растений. Когда отец звал на дачу, всегда старался найти повод не ехать. Скучота, заняться нечем. Меня привлекала техника, а не тычинки и пестики. Но в космосе к нашей крошечной оранжерее меня тянуло как магнитом, я мог часами чинить систему подачи воды, чтобы крошечные хилые стебелечки не загнулись от переизбытка или недостатка влаги. И когда ростки выжили, ощутил небывалый восторг. Такого восторга перед самым фактом жизни я не испытывал больше нигде и никогда.

– Как вы думаете, представители иных цивилизаций бывали на Земле?

– Раньше я не верил в НЛО, полностью отвергал их существование. Объяснял все исключительно земными причинами: запуск ракет, самолеты, кусок ракетносителя... Но однажды в Лондонской национальной галерее увидел картину: ярко-желтая тарелка в небе и от нее исходит луч к Деве Марии. Что за ерунда? Смотрю – а там подпись: Карло Кривелли, 1484 год. Ничего себе! Такого «Благовещения» я не видел еще никогда. Здесь весть о том, что Мария станет матерью Христа, приходит не просто с неба – из летающей тарелки с помощью луча, похожего на лазерный! Причем тарелка не просто круглая – с окошками, с несколькими уровнями... Почему автор изобразил все так, а не иначе? Ответ кажется однозначным: он сам видел нечто подобное или ему рассказали. Карло Кривелли вообще отличается внимательностью к деталям, тщательностью в их написании. И одна из таких деталей – летающая тарелка. С годами я пришел к выводу: инопланетяне бывали на Земле, но очень давно. Надеюсь, они еще вернутся.

– Отсюда и ваше увлечение историей древних цивилизаций?

– Меня в свое время поразило, почему «вентиляционные каналы» пирамид устроены таким образом, что они всегда смотрят на звезды. У нас в полетах были свои опорные звезды. Но зачем они древним? И я заинтересовался сначала пирамидами, потом Стоунхенджем, Аркаимом, другими загадочными сооружениями. Кто и зачем все это строил? Сделано ли все это под руководством инопланетян и с какой целью, этого я не знаю, но верю, что существует какая-то таинственная, глубокая связь между событиями далекого прошлого и еще неизвестного нам будущего...

– Значит, в инопланетян вы верите. А в Бога?

– Бога в космосе видели только в анекдотах. Скажем, такой. Хрущев в Кремле отозвал Гагарина в сторонку: «Юра, ты Бога видел?» – «Да, видел. Есть Бог». – «Так я и знал. Только никому больше не говори». Потом Гагарин оказался на приеме у Папы Римского, и тот тоже спрашивает: «Юрий Алексеевич, вы видели Бога?» – «Нет, не видел. Нет никакого Бога». – «Так я и знал. Но только никому об этом не рассказывайте!»

Но в Бога я верю. В своей жизни я не раз бывал не просто в опасных – в смертельно опасных ситуациях. Пять раз тонул, у меня в руке взрывался охотничий патрон, а в нескольких сантиметрах от меня – боевой снаряд, терял след в глухой тайге, попадал в аварийные ситуации в космосе, даже пожар на станции был... И всякий раз оставался жив и невредим. Не могу сказать, что спасала только смекалка. Иногда это было то, что принято называть чудом. Хотя должна была сработать теория вероятности, и в половине этих несчастных случаев я должен был погибнуть или остаться калеккой. Почему этого не произошло? Ответ у меня такой: если этот закон не соблюдается, значит, ось, делящая судьбу ровно посередине, кем-то сдвинута. Поскольку, кроме Бога, сдвинуть ее некому, я верю, что был рожден, чтобы стать космонавтом.

Я космонавт, ученый, доктор наук. Но это никак не противоречит моей вере в Бога, как и то, что мои любимые родители были убежденными атеистами. Наука должна познавать мир, а религия – воспитывать сердце человека так, чтобы он не делал никаких гнусностей. Я считаю, что любая традиционная религия лучше, чем безверие, которое опустошает сердце человека. Бездушный, неверующий ученый может изобрести не только средство для повышения урожайности, но и химическое оружие, способное отравить все живое. А мораль, которую несет религия, призвана это предотвратить. Не важно, что никто из нас в космосе не видел Бога. Бог не в космосе, а в каждом из нас, где бы мы ни были. Вот в это в свои восемьдесят с лишним я верю...

Беседу вела Наталия Лескова